

Игорь Лендъел

РЕФЛЕКСИИ ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННОГО НА СВОЕ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Здравствуйтесь, дорогая наша Валерия Сергеевна!
Христос Воскресе!

Прежде всего поздравляем Вас, Ваших сыновей, внуков, близких, родных, коллег по работе, Ваших студентов со Светлым Христовым Воскресением! От всего сердца желаем Вам, бесценная наша ласковая Мамочка, крепкого здоровья, доброго духа, мира Вашему доброму и благородному сердечку и Божьей помощи Вашим делам!

Очень рад был услышать Ваш родной голос по телефону 3 марта сего года. Огромное спасибо, что смогли поговорить со мной. А на следующий день меня с Сашей перевели в другую камеру и дали понять, что отныне мы будем жить только вдвоем, вместе, поскольку свыше пришел приказ, чтоб пожизненным сидеть по двое (или по одному, кто захочет).

В феврале у меня было не все в порядке со здоровьем. А из-за переезда в новые камеры у меня случились очередные неприятности, которые длились чуть ли не до самой Пасхи. Все закончилось после того, как мы с Сашей пошли в нашу церковь, Слава Богу! Это было мое первое посещение церкви с тех пор, как я стал верующим. Саша повел меня по церкви, тихонько рассказал мне, какие иконы где висят. Мы приложились и к распятию, к Богородичным иконам, к иконе Святителя Николая Чудотворца, которые Вы привезли. Поставили свечи за здравие и за упокой. Я понял ту огромную разницу, когда заходишь в церковь, чтоб посмотреть, и как верующий. На этот раз я почувствовал возвышенное одухотворение, как только переступил порог церкви. Меня била мелкая дрожь. Но как только мы стали ходить по церкви, прикладываться к иконам и я стал вдыхать ладан, нервная дрожь исчезла. Я словно парил в воздухе: это чувство сродни тому состоянию, когда подходишь к краю вышки и прыгаешь в бассейн, и в этом коротком полете душа словно покидает тело, сердце замирает, а сам словно в эйфории... Когда я прикладывался к иконам, то их, конечно, не видел, но мерцающие огоньки лампад все же усмотрел, чему был страшно рад.

Когда Саша подвел меня к самому Распятию, я тихонько опустился на колени и приложился ко Христу. И вдруг через мой мозг в сердце вошла вся Голгофская трагедия – словно за доли секунды я прочел про себя 19-ю главу Евангелия от Иоанна*. От ощущения, что я перед распятым Христом, я всплакнул.

* Евангелие от Иоанна. Глава 19:1–18. Бичевание Иисуса; терновый венец и багряница; «распни Его!»; Пилат предал Его на распятие.

12 апреля мы скромно встретили Пасху. Саша прочитал вслух Пасхальный канон.

15 апреля получили первый пасхальный подарок: пришла посылка от о. Александра из-под Домодедово, благодарение Господу и о. Александру (хотя мы его не просили, но, видно, он духом прозрел наши нужды и прислал посылку).

Пожалуйста, при оказии передайте батюшке нашу благодарность. Саша написал ему письмо с благодарением за футболки, нижнее белье, витамины, сладости и за великолепную духовную книгу о русских старцах XX века. Перед этим буквально за месяц Саша прочел мне вслух огромную книгу о старцах XIX века – так что последняя книга стала чудесным дополнением.

18 апреля мы пошли звонить своим домашним: Саша говорил с Анжелой, а я с мамой, с сестрицей Ольгой, с ее детками и с двоюродным братом Ванюшей. Так получилось, что двоюродный брат Ванюша родился 20 февраля 1981 г., когда мне уже было 22 года, и потому у нас особой близости не было. Я относился к нему, как к маленькому ребенку. А в 1985 г. я переехал на жительство в Москву и практически не общался с Ванюшей. С тех пор он вымахал в огромного дядьку ростом под два метра, закончил ужгородскую музшколу по виолончели, а потом Львовскую консерваторию по этому же инструменту. Теперь он работает в ужгородском симфоническом оркестре. В последнее время моя мамочка сблизилась с Ванюшей на духовной почве, он стал часто захаживать к ней в гости. В один из таких визитов Ванюши я позвонил маме и поговорил и с ним. Я спросил Ванюшу, почему он не пишет мне. За последние полгода он буквально забомбил меня основательно большими письмами. Я понял, что в Ужгороде у меня появилась родственная душа. Мои дети раньше, когда приезжали в Ужгород, часто ходили в горы, в походы под предводительством Вани. Общаясь со мной по телефону, Ваня сказал, что намерен посетить Сосновку и прийти на свидание со мной.

Очень меня огорчила сестра Оля, сообщив, что мамочкино здоровье сильно пошатнулось: она стала часто забываться, ей трудно передвигаться по улицам, очень мало ест и много спит днем. Об этом я сообщил своим детям, и они планируют летом посетить бабушку... Оказалось, что украинские власти отменили поезд Москва–Ужгород по понятным причинам. Дети узнали, что можно полететь из Москвы в Будапешт, а оттуда на автобусе добраться до Ужгорода за три часа. Они давно хотели поближе познакомиться в Будапеште с моим самым дорогим другом Казимиром Медвецким, который нянчил их в детстве и приезжал в Москву, когда родилась Катюша, а потом когда родился Филипп. Казимир родился в Ужгороде и жил там до 1987 г., а потом уехал в Будапешт, женился и работает там архитектором и дизайнером, равно как и его супруга, венгерская немка.

А теперь продолжим наш разговор о моем падении – о моих преступлениях.

«Над всей Испанией безоблачное небо»* – пожалуйста, подготовьтесь, дорогая и уважаемая Валерия Сергеевна, к жутким подробностям следующего повествования.

«Герника»** в моей душе началась вовсе не 22 мая 1991 года, когда мной совершилось тяжкое злодеяние, а значительно раньше.

Это случилось летом 1967 года, когда моя бабушка взяла меня с собой в один из санаториев нашего края. Мне было восемь лет. Там я сдружился с мальчиком, который был старше меня. Он очень ненавязчиво научил меня тайно похищать курортные сувениры с прилавка при скоплении огромного количества людей и продавцов. На меня не обращали внимания, ибо я был очень маленьким. По наставлению моего старшего «подельника»*** мне надо было делать все молниеносно и брать сувениры только с краю прилавка и желательно помельче. Сначала я ничего не понимал. Думал, что это была такая игра. И потому совсем не боялся украдкой брать предметы. Спустя время я осознал, что это самое настоящее воровство, и хотел, было, признаться во всем бабушке. Но сделать это мне было очень страшно. Я испугался, что бабушке станет плохо от этого гнусного поступка и что впоследствии будет скандал по этому поводу, и что я буду наказан... Таким образом, об этом преступлении никто не узнал. Тогда я действовал под чутким руководством старшего «подельника».

А вот следующее серьезное преступление я задумывал и совершал сам.

Через два года, 2 сентября 1969 г., в десятилетнем возрасте я снова украл. Воровство было содеяно по зависти и от желания получить деньги. Я был приглашен на день рождения моей сверстницы, очень близкой родственницы. Девочке в качестве подарка вручили целых 10 рублей одной купюрой. Этот денежный знак назывался «червонец». Я ненароком подсмотрел, куда именинница положила купюру, и тут же в моей беспутной голове созрел дерзкий план заполучить эти деньги. Абсолютно не думая о последствиях, я помышлял лишь о том, что куплю на эти деньги.

Согласитесь, дорогая Валерия Сергеевна, что в 1969 году на эти деньги можно было купить немало. У меня хватило ума не прятать эти деньги дома. Червонец я спрятал в укромном подвальном местечке.

Через два-три дня мои родители узнали, что у именинницы пропали деньги. Меня спросили, не брал ли я их. Я все отрицал. Потом в течение нескольких месяцев меня снова и снова спрашивали по поводу пропавшего червонца. Я стоял на своем: «Не брал!» И только через полгода, когда мама в очередной раз вспомнила об этих злополучных деньгах, мне наконец-то надоело врать и я во всем сознался. К тому времени я уже

* Автор цитирует вошедшую в историю кодовую фразу, дающую старт какому-либо процессу или акции, предупреждая таким образом читателя, что далее последуют пронзительные откровения пожизненно заключенного. – *Ред.*

** Автор отождествляет состояние своей души с тем, что изображено на знаменитой картиной П. Пикассо «Герника», сюжет которой принято считать символом ужаса и боли, а также предостережением будущим поколениям. – *Ред.*

*** Подельник – человек, проходящий (проходивший) по одному уголовному делу с кем-либо // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. – М., 1992. – С. 179.

успел истратить больше половины денег на всякие глупости. Меня простили, но обязали сэкономить на нескольких завтраках, собрать нужную сумму, отнести деньги и повиниться перед этой семьей за свой низкий поступок. Благодарение этим добрым людям – они больше никогда не напоминали о моем *маленьком преступлении* (курсив мой. – В.М.).

Следующее преступление я совершил, будучи взрослым. Совершил его осознанно. Мне до сих пор стыдно, что я так низко пал и *смог сделать эту гнусность очень хорошим людям* (курсив мой. – В.М.).

Все это я пишу Вам, чтоб Вы увидели путь моего морального падения. Мои преступления начинались с похищения *дешевеньких сувениров*, а закончились убийством (курсив мой. – В.М.). Фактически я шел к ужасным убийствам долгие годы.

Убийства имели длинную предысторию. Убийство я совершил опять-таки из-за жажды денег. Но не только поэтому – из-за моей подлости и низкой мести.

Посудите сами, какая грязная была история. Когда в 1989 году я работал учителем физики в одной из московских школ, мне потихоньку начали резать часы в школе: дескать, другие учителя – одинокие женщины с детьми, и надо войти в их положение, помочь им, дав дополнительные часы. Завуч дала мне несколько часов, но в другой школе – далеко от дома. Через несколько месяцев мне надоело ездить на эти дополнительные уроки, и я решил завязать с работой в школе. Я решил уйти псалярничать* частным образом. Для себя я окончательно решил, что с новой четверти подам заявление об уходе. О моем намерении до поры никто не знал.

В очередной раз я пришел на работу в школу, в тот день у меня было четыре урока. Когда я стал собираться домой, спустился в раздевалку, стал одеваться и, на свою беду, увидел несколько женских меховых шапок... Без долгих размышлений я тут же открыл свой дипломат и запихнул в него три-четыре шапки без особого разбора. При этом у меня были мысли, как бы насолить своим «коллегиням», из-за которых, якобы, я должен уволиться из школы. О том, что пропажа женской меховой шапки для простой советской учительницы – это не только огромная трагедия, но и большая финансовая утрата, я не думал. А я, гнусный засранец, только высчитывал в уме, сколько получу за эти шапки на Тишинском рынке и с кем буду пропивать эти деньги... На Тишинском рынке, что возле Большой Грузинской улицы, крутилась огромная свора подозрительных личностей, которые за копейки скупали краденое. Теперь мне стыдно за этот низкий поступок. Я глубоко виноват перед бывшими коллегами.

Только теперь, когда я собрался писать Вам письмо, я вспомнил, что в нашей школе гардероб учеников, равно как и гардероб учителей, сторожила очень милая добрая старушка. Мне теперь жутко подумать, какие шишки на нее пали за пропажу шапок. Наверняка ее принудили выплачивать за эту пропажу или вовсе выгнали с работы... Из-за того, что какой-то толстый урод захотел отомстить и напиться с друзьями! Простите меня...

* Псалярничать – халтурить, недобросовестно делать // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. – М., 1992.

Третье, и самое страшное, преступление возникло спонтанно. Одна хорошая знакомая попросила сделать ремонт квартиры у ее добрых друзей. Ремонт затянулся, ибо надо было застеклить лоджию, а это довольно кропотливая работа. Не буду вдаваться в подробности, но окольными путями я узнал, что у хозяина квартиры в пуфке хранится огромная сумма денег (сумма, действительно, оказалась довольно приличная – около полутора миллионов рублей!). Причем все было в новых купюрах сторублевого достоинства. Как раз тогда министр финансов СССР В.С. Павлов провел «загадочный» обмен 50- и 100-рублевых купюр на новые. В пуфке лежали новые банкноты! На весну 1991 года это было целое состояние!

В этой квартире была металлическая дверь. Я украдкой снял слепок ключа и изготовил свой экземпляр. Новый ключ не открывал двери. Лезть через балкон было опасно, ибо это был десятый этаж четырнадцатизэтажного здания. А с альпинизмом и скалолазанием я был знаком только понаслышке.

Я буквально заболел этими деньгами в пуфке (курсив мой. – В.М.). И где бы я ни был, я постоянно думал о деньгах и о том, как их похитить. Порой мне казалось, что это мои деньги и их только надо взять. *Это мое намерение превратилось в навязчивую идею* (курсив мой. – В.М.). Время шло. Как назло, хозяева почти не отлучались из дома. У меня было опасение, что деньги могли сдать в банк или вложить в недвижимость. Когда я увидел, что хозяин садится в новенькую машину, то *вдруг представил, что «мои» денежки тают* (курсив мой. – В.М.). Тогда в мою голову влезла сумасшедшая мысль: ликвидировать хозяина и его сожительницу. С того момента, как «блеснула» эта ужасная мысль, и до момента преступления прошло около трех-четырех недель, а может, и месяц.

Я продолжал ходить в эту квартиру и делал вид, что продолжаю ремонт. А на самом деле внимательно следил за хозяевами. Главная моя мысль – только бы деньги не уплыли! Иногда по вечерам я заходил в дом напротив и из подъезда в бинокль следил за этой квартирой. Порой посещала меня здравая мысль: «Зачем тебе все это нужно? Остановись! Краденые деньги и особенно убийство никогда никому не приносили счастья». Под влиянием новой мысли *на меня вдруг находил гнев* (курсив мой. – В.М.). Я говорил себе: *«Ты слюнтяй и тряпка. Если деньги будут твои, то ты будешь обеспечен на всю жизнь. Стоит только прикончить хозяев»* (курсив мой. – В.М.).

Когда в моей голове происходил диалог между добрыми и злыми мыслями, я испытывал сильное волнение. Ноги мои несли меня к ближайшему коммерческому ларьку, я покупал алкоголь, шел домой и пил. После принятия крепких напитков правильные мысли исчезали, мною овладевало черное зло.

Когда я приходил «на работу» псалярничать, то *старался не говорить с хозяевами, даже старался не смотреть в их сторону, зная, что их скоро ликвидирую своими собственными руками. Хозяева словно переставали существовать для меня, переставали существовать как живые люди. Они для меня были только как преграда к «моим» деньгам* (курсив мой. – В.М.). Теперь я смутно припоминаю, что *если хозяева и заговаривали со мной, то я даже дерзил и хамил им. Хотел настроить себя против них... Хотел перечеркнуть их в своем сознании* (курсив мой. – В.М.).

Я озлобился. Я был даже рад этому чувству. И чтоб это чувство во мне не угасло, я перестал ездить за город и посещать свою супругу и детей (курсив мой. – В.М.). Когда я разговаривал с семьей по телефону, то злое во мне улетучивалось. Тогда я хотел бросить Москву с этой квартирой и деньгами... Но разговоры по телефону с супругой и детишками становились все реже и реже. Во мне все более и более выстраивался жуткий план смертоубийства...

22 мая 1991 года, в полдень, произошла трагедия. Я убил. Тогда я был неверующий. Видимо, черные силы внушили мне совершить злодеяние в день Святителя Николая Чудотворца. Хозяина квартиры звали Николай. Едва я содеял этот жуткий грех – убил людей, как тотчас бросился к заветной тумбочке. Когда я открыл тумбочку, в моих ушах раздался явственно жуткий, сатанинский хохот, переходящий в эхо. Меня пробрал озноб, дрожь... тумбочка была пуста. На дне лежал обрывок бумажки с банковской упаковки. Сколько я так просидел, тупо глядя на эту бумажку, не помню...

Потом стал бросать в сумку и рюкзак мало-мальски ценные вещи. И вдруг на меня нахлынула волна ужасной тошноты. Я бросился в туалет. Меня долго и сильно рвало. Потом я долго сидел, опершись спиной о ванну. Приходил в себя. Порой мне казалось, что я весь какой-то липкий... Сама кожа казалось противной, словно не моя. Я переоделся в чистую одежду, ибо рабочая форма, в которой я всегда работал, была в крови. Спустя время эту одежду, кроссовки и орудия убийства я сбросил в реку с Крымского моста.

Теперь плохо помню, что было дальше... Но помню, когда шел по улице, светило яркое солнце, *мне казалось, что на меня все внимательно смотрят, словно догадываются о том, что я только что натворил* (курсив мой. – В.М.).

Я шел пешком: до дома, где я жил, было 20 минут ходу. По дороге я зашел в магазин, купил выпивку и с какими-то малознакомыми парнями выпивал у себя дома.

В эту ночь я никак не мог заснуть, потому поехал на Крымский мост избавляться от жутких вещей.

На следующий день я уехал во Львов – лишь бы не находиться в Москве и не общаться с родными.

Помню только, когда подходил к своему вагону на Киевском вокзале, на меня так посмотрела проводница, словно знала обо мне всё. У меня все чувства были обострены до предела. Я поспешно закрылся в своем купе и практически не выходил до самого Львова, благо вагон был фактически пустой.

Через три дня я чуть-чуть пришел в себя и поехал в Ужгород к родителям. Поскольку они были очень заняты, то не обратили внимание на то, что я «не в своей тарелке».

А если и спрашивали, что со мной, то я ссылался на головную боль. Старался поменьше мелькать у них перед глазами. Через несколько дней я навестил родного дедушку. Он с порога заметил, что со мной не все в порядке. На его расспросы я отвечал, что у меня неприятности на работе, и он немного успокоился.

Да, чуть не забыл: когда ночью с 22 на 23 мая я сбросил вещи-улики с Крымского моста и возвратился домой, я удивился, почему я такой липкий, мне казалось, что где-то на мне кровь... Я потом долго стоял под душем.

Поначалу страха разоблачения я не ощущал. Я тогда еще полностью не осознавал меру содеянного злодеяния.

После преступления прошло примерно 10–15 дней, и я из Ужгорода позвонил в Москву знакомой, которая когда-то попросила меня сделать ремонт в злополучной квартире. Она так бурно и эмоционально рассказывала мне об убийстве Коли и Тани (царство им небесное!), что до меня наконец-то дошла вся суть содеянного... *Я испугался не только того, что могу быть разоблачен, но и самого себя: я был способен на такое ужасное преступление и принес людям столько неопишуемого горя* (курсив мой. – В.М.).

В Москве меня вызвали в милицию. Но я проходил как свидетель. В милиции даже не возникало подозрений на мой счет...

Однажды пришел милиционер и спросил меня, где он может найти такого-то и назвал мою фамилию и имя, но я ответил, что разыскиваемый человек находится за городом. Может, я зря соврал этому милиционеру, ибо были такие моменты, что стоило на меня чуть-чуть надавить, и я признался бы во всем. Может, тогда был именно такой момент.

Я соврал и тем самым не отвратил погибель следующей жертвы. Имя ее было тоже Таня. Царство ей небесное!

27 января 1993 г. мной было совершено следующее преступление. Все произошло спонтанно. Если над первым преступлением я размышлял от месяца до двух, то к этому преступлению я готовился сутки, ну, может, двое. Все проходило по прежней схеме, но в более сжатые сроки. На этот раз меня даже не посещали предупреждающие мысли о гнусности и низости замышляемого.

Замечу: после этого преступления меня совсем не тянуло к детям и супруге. Когда я приезжал к ним, то с детьми был очень сдержан в эмоциях. Первое время меня совсем не влекло к супруге как к женщине... Словно между нами стояла стена. Она даже выразила мне претензии... но я ссылался на головную боль, короче – симулировал.

В голову мне врезалась одна особенность. Дело в том, что между вторым преступлением и арестом прошел месяц без одного дня. За три-четыре дня до ареста мне казалось, что за мной уже следят, что меня скоро арестуют. Внутри себя я не сопротивлялся этому, а может быть, даже тихо радовался, что наконец-то все закончится. *Я понимал, что если дальше все так пойдет, то я превращусь в серийного убийцу* (курсив мой. – В.М.).

Признаюсь, дорогая Валерия Сергеевна, что *между первым и вторым преступлением в моей жуткой голове созревали планы тяжких преступлений* (курсив мой. – В.М.). Но, слава Богу, они сорвались.

После второго преступления я понял, что иду по накатанной дорожке и если меня ничто не остановит, то ад будет рукоплескать, когда моя грешная душонка попадет в преисподнюю. За три-четыре дня до ареста я навестил двух хороших знакомых и ненавязчиво попрощался с ними. Тогда они не поняли меня...

За день до ареста мне почему-то казалось, что я делаю все не по своей воле, что меня куда-то направляет невидимая сила (наркотики я вовсе не знал в своей жизни).

25 февраля, утром, я поехал на Варшавку к моему старому другу (еще когда работал в школе), где он работал военруком и преподавателем физкультуры. Я хотел попрощаться с ним. Он никак не мог понять меня, ибо я говорил намеками. Когда мы с ним прощались на автобусной остановке, крепко обнялись, и я сказал ему: «Прощай, дружище». Когда я сел в автобус, то лишь через некоторое время до меня дошло, что автобус везет меня не домой, на Ленинский проспект, а на север, в Измайлово, в магазин «Изумруд»... Где через три часа меня и арестовали. И нет, чтоб выйти из автобуса и пересесть на другой маршрут... Я повиновался и отдал свою судьбу тем неведомым силам, которые руководили мной последние дни. Я был очень спокоен, каким не был за последние два года. Меня арестовали в магазине «Изумруд», и слава Богу, ибо был прерван мой преступный путь, который принес много горя другим людям... Сам бы я не смог остановиться на этом пути...

Вы спросите меня, почему я не попрощался с детишками и супругой? Я хорошо понимал, если поеду прощаться к ним, то ничего хорошего из этого не выйдет. Что-то мне подсказывало: если я попрощаюсь с ними, то не пойду сдаваться властям, а ударюсь в бега... Потом смогу натворить и другие преступления...

Теперь немного о чувстве вины перед жертвами и их родственниками. Да, я виноват, безмерно виноват, погубил души, жизни молодых людей: Коли, Тани и Тани. Царство им небесное!

Им бы только жить и жить, рожать детишек, рости, любить родительской любовью. У последней Танюши был сын Сережа, он даже приезжал к нам за город, жил у нас, играл с нашими детишками. А я, изверг, лишил его родной, любимой мамочки. У Коли тоже была дочь Оля. Я ее никогда не видел, но думаю, что и они любили друг друга.

Чувство вины перед ними было, есть и будет.

Сейчас я просто не понимаю, зачем я лишил людей жизни? Почему это сделал? Ради чего? Ведь понятно, что никакие горы денег, никакое богатство на земле не стоит того, чтобы лишать людей жизни.

Как я отчетливо помню сейчас, первая искра вины у меня появилась сразу после второго преступления. Я сидел перед мертвой Таней и молча просил у нее прощения за содеянное. Но это еще не было настоящим покаянием. Лишь первая искорка.

Самое первое чувство вины у меня случилось после первого преступления, через 10–15 дней, когда я из Ужгорода позвонил той знакомой, которая прежде просила сделать ремонт у Коли и Тани.

Тогда я звонил, чтобы выяснить, как ведет себя милиция. Знакомая так эмоционально мне все описывала, что по ее тону я понял, что совершил нечто ужасное. Я крепко задумался над своим страшным проступком: стоило ли лишать людей жизни? Как помнится, глубокого чувства вины по-настоящему у меня тогда еще не было. Я просто сожалел о том, что я сотворил. *Тогда я старался тщательно стереть Колю и Таню из моего сознания* (курсив мой. – В.М.).

Первая искорка вины, как я написал выше, появилась после второго преступления, тогда, когда я сидел перед телом Тани.

Настоящее чувство вины появилось у меня, когда я был в зале суда. Тогда я впервые увидел горькое отчаяние на заплаканных лицах родственников. Особенно на лицах матерей (курсив мой. – В.М.). Мне хотелось тогда провалиться под землю от стыда, от осознания того принесенного горя родственникам убиенных, от той глубокой вины перед ними! В последующие дни заседания суда я даже не смел поднять глаза из-за страшного стыда... Были дни, когда я всячески противился ехать на этот суд, чтоб не видеться с родственниками потерпевших... и опять, и опять слушать детали страшного преступления из уст прокурора или судьи. Помню, что тогда у меня была некая мера самобичевания: мол, хорошо, что меня арестовали, мол, поделом тебе за твои грязные преступления, и если ты тогда не понял, что натворил, то теперь уж точно до тебя, дурака, дойдёт (курсив мой. – В.М.).

Чувство вины в последующие годы у меня не сглаживалось и не исчезало. Нельзя сказать, что порой оно исчезало, – оно возникало у меня, когда я вспоминал о потерпевших, слышал по телевизору или по радио о преступлениях других преступников. У меня возникала мысль, что я такой же изверг, как и те, о которых говорят по радио, а быть может, и хуже.

Чувство вины, мысли о том, что я погубил невинные человеческие жизни, искалечил жизни их родственников и близких, будут со мною до конца жизни. Я еще раз, и еще раз твержу себе, что нет мне прощения. Да и не может быть прощения, когда лишаешь жизни людей.

Согласитесь, дорогая Валерия Сергеевна, что с таким «багажом» виновности в содеянном жить на земле довольно трудно.

Но, благодарение Господу, что Он послал нам через Священное Писание *раскаяние, покаяние, молитвы. Любой грешник может каяться в своих грехах* (курсив мой. – В.М.). В частных своих молитвах можно молиться за убиенных день и ночь и просить у Господа и у убиенных прощения, подавать записки об упокоении убиенных... Это все примиряет мою покаянную душу с душами убиенных.

Понятно, что за содеянное я буду нести ответ перед Господом, но как верующий я буду уповать на Его милость и на прощение за совершенное мною.

Дорогая Валерия Сергеевна! С момента первого преступления прошло 24 года, а со второго – 22 года. Много сгладилось, забылось. Иногда приходят воспоминания, но я гоню подобные прилоги из моего сознания, чтоб они не овладели мною.

Теперь скажу Вам честно, что все это было ужасно, и мне становится жутко от того, что я смог все это сотворить своими руками. Еще раз простите меня за то, что я сделал Вас невольным свидетелем последствий наказания за эти страшные преступления.

Да хранит Вас Господь Бог!

С христианской любовью и искренним уважением, Гоша и Саша.

Да благословит Вас Господь и Пресвятая Богородица!

Великие ученые

Илья Мечников

НАУКА И ПРАВСТВЕННОСТЬ*

Человек способен на великие дела; вот почему следует желать, чтобы он видоизменил человеческую природу и превратил ее дисгармонии в гармонию. Одна только воля человека может достичь этого идеала.

И.И. Мечников

I

Сложность нравственных задач. – Вивисекция и антививисекционисты. Изыскания относительно возможности рациональной нравственности. – Утилитарная и интуитивная теория нравственности. – Неудовлетворительность обеих.

Проблема
нравственности

...Нам приходилось... касаться вопросов, тесно связанных с задачей нравственности. Так, в вопросе о продлении человеческой жизни надо было доказать, что принципы высшей нравственности нисколько не противоречат тому, чтобы человек жил значительно дольше своего воспроизводительного периода, хотя и существуют народы, нравственные понятия которых допускают принесение в жертву стариков.

Экспериментальная биология, на которой основаны многие теории, изложенные в этой книге, зиждется на вивисекции животных. Между тем немало людей считает безнравственным делать опыты над живыми существами без непосредственной пользы для последних.

* Мечников И.И. Наука и нравственность // Пессимизм и оптимизм. – М., 1989. – С. 500–546. – (Публицистика классиков отечественной науки).